
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VIII

посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН
(СПбФ ИВ РАН)

Составитель и автор предисловия И. В. Кульганек

St. Petersburg
2008

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), Л. Г. Скородумова, Н. С. Яхонтова

*Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра*

Монголика-VIII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 160 с.

Восьмой выпуск сборника посвящен 190-летию Азиатского музея, предшественника Института восточных рукописей (Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН). Имеет те же разделы, что и предыдущие выпуски: «Историография и источниковедение»; «Литературоведение и фольклористика»; «Из архивов отечественных востоковедов»; «Научная жизнь»; «Наши переводы». Статьи об истории монголоведения, о формировании рукописных и архивных фондов Санкт-Петербурга, а также историографические, литературоведческие, текстологические и лингвистические написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и монгольскими специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги и монгольские переводы художественной литературы.

Статьи, написанные в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголыязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей России и Центральной Азии.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2008. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 уч.-изд. л. Заказ № 697

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-392-9

© Петербургское Востоковедение, 2008

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
Т. Ю. Евдокимова, И. В. Кульганек	Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете	12
И. В. Кульганек	Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН	28
И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева, И. В. Кульганек	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН	31
Историография, источниковедение		
Е. И. Кычанов	Тангутские (Си Ся) источники о татарах	34
Ю. И. Дробышев	Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии	37
А. Г. Юрченко	Монгольская империя на Каталанском атласе 1375	50
Литературоведение, фольклористика, текстология		
Л. Г. Скородумова	Об эволюции художественного образа в монгольской литературе	61
С. Байгалсайхан	Монгольские ученые о монгольской литературе	69
К. В. Алексеев	О некоторых проблемах изучения средневековых монгольских переводов с тибетского	75
С. Хувсгул	Действующие лица религиозной драмы Д. Равджи «Лунная кукушка»	81
С. С. Сабрукова	Текстологический анализ двух монгольских переводов «Бодхичарьяаватары» (Bodisud nom-un yabudal-dur ogoqu peretu sastir orosibai)	86
Б. С. Дугаров	Пантеон восточных тэнгриев в эпосе «Абай Гэсэр Богдо хан»	93
М. П. Петрова	Ритуальная поэзия Д. Бямбадорджа	100
Р. В. Ивлева	Рассказ Д. Норова «Синий камень»	104
Б. Сухэ	Исторические корни монгольского театра	106
Т. А. Пострелова	П. Пясецкий в Монголии	113
Н. С. Яхонтова	Названия Луны (санскрит — тибетский — монгольский)	118
Из архивов востоковедов		
И. И. Ломакина	Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)». Подготовка к печати, введение и комментарий Н. А. Симуковой	128
	Новые книги по монголоведению	136
Наши переводы		
Д. Батбаяр	Прозаические миниатюры. Пер. Л. К. Герасимович	141
	Охотничьи рассказы монгольских писателей. Пер. Л. Г. Скородумовой	145
Б. Лхагвасурэн	Стихи. Пер. П. М. Петровой	153
Б. Явухулан	Стихи. Пер. Л. Букиной	155
	Современная монгольская поэзия: Ц. Тумэнбаяр, Л. Хасар, С. Билигсайхан, С. Оюнгогс, Т.-О. Эрдэнэцогт, П. Бадарч. Пер. Е. Мальцевой, И. Содномовой, Д. Куленкова, А. Курбешевой, Е. Васько, Д. Водяницкой	157
Summary	159

И. И. Ломакина

Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)»

Андрей Дмитриевич Симуков (1902—1942?) посвятил жизнь исследованию Монголии и поискам путей наилучшего использования её природных ресурсов кочевым скотоводческим хозяйством страны и экономикой Монголии в целом.

Впервые Симуков приехал в Монголию в 1923 г. сотрудником Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, по завершении которой он был приглашен на работу в Комитет наук Монголии, где работал до осени 1939 г.

Начав с заведования Музеем, Картографическим и Метеорологическим кабинетами, Симуков организовал затем Географический кабинет, а впоследствии возглавил Отделение географии в целом. Маршруты 15 экспедиций Симукова и множества рабочих поездок охватили почти всю территорию Монголии. Главные направления своих исследований он определял как «география — пастбища — хозяйство». Основные результаты их сводятся к следующему.

Симуков впервые провел систематическое комплексное физико-географическое исследование Монголии, составил карту малоизученной тогда Западной Гоби, определил основные природные зоны страны, выявил главные зональные комплексы флоры и фауны, составил карты растительности и распространения крупных млекопитающих и важнейших промысловых животных, предложил первое физико-географическое районирование Монголии.

Симуков подробно охарактеризовал пастбища Монголии, их состав и динамику продуктивности в течение ряда лет в связи с географическими условиями, впервые выявил и классифицировал различные типы кочевков и хотонов, проанализировал их генезис и обусловленность природными и социальными условиями, подробно исследовал методы ведения скотоводческого хозяйства в связи с указанными факторами.

На основе изучения природных условий и социально-экономических характеристик Симуков пред-

ложил ряд практических рекомендаций по рациональному природопользованию и развитию экономики.

Он принимал самое активное участие в разработке и осуществлении нового, научно обоснованного административного районирования Монголии, предложил первое экономическое районирование страны, выбрал место для столицы Южно-Гобийского аймака — г. Даландзадгада, наметил и географически охарактеризовал пункты для создания сети метеорологических станций, обследовал ряд горячих источников, на которых впоследствии были созданы курорты, указал на основе собственных изысканий и подробных расспросных сведений, собранных у местного населения, ряд месторождений полезных ископаемых и местонахождений ископаемой фауны.

При активном участии А. Д. Симукова в 1935 г. при Комитете наук Монголии были организованы курсы для подготовки специалистов (прообраз будущего университета), где Андрей Дмитриевич читал географию на монгольском языке, которым владел в совершенстве.

Результаты своего многолетнего исследования Монголии А. Д. Симуков изложил в монографиях, статьях, докладах и отразил в картографических работах, из которых при жизни автора были изданы на монгольском и русском языках «Географический атлас Монгольской Народной Республики» (Уланбаатор, 1934), «Физическая и административная настенная карта МНР» (Улан-батор, 1937) и более 30 журнальных статей.

В сентябре 1939 г. в Уланбааторе А. Д. Симуков был необоснованно репрессирован органами НКВД СССР. Погиб в лагере, по официальным данным, в 1942 г. Полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления» в 1956 г.

Вследствие ареста основные труды А. Д. Симукова остались неизданными и вошли в Рукописный фонд Комитета наук Монголии. Ныне они хранятся в

архиве Института географии АН Монголии и Национальном архиве Монголии.

В эпоху перестройки в СССР и демократического движения в Монголии, у истоков которого стоял С. Зориг, внук А. Д. Симукова, в Академии наук Монголии в 1990 г. была создана комиссия по научному наследию А. Д. Симукова. В монгольской, а затем и российской печати появились публикации о нём, были изданы отдельные работы из архива Симукова. Доклады о его жизни и деятельности прозвучали на VI Международном конгрессе монголоведов.

В начале XXI в. известный монголовед, ведущий сотрудник Государственного музея этнологии Японии профессор Юки Конагая организовала и возглавила финансируемый Музеем проект трехтомного издания на русском языке всех опубликованных и неопубликованных трудов А. Д. Симукова, найденных в архивах, с приложением компакт-диска с его картографическими работами (А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии / Составители: Юки Конагая, Санжаасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. Государственный музей этнологии, Осака, 2007—2008).

Презентация первых двух томов состоялась на организованном проф. Конагая Международном симпозиуме, посвященном трудам Андрея Дмитриевича Симукова: «Социалистическая модернизация в Монголии — переоценка А. Д. Симукова и его трудов» (Государственный музей этнологии, Осака, Япония, 25 февраля 2007 г.).

В работе симпозиума приняли участие ученые Монголии, России, Японии, США и Германии, а также внуки А. Д. Симукова — Санжаасурэн Оюун, Санжаасурэнгийн Баяраа и дочь ученого — Н. А. Симукова.

Несколькими годами ранее в Улан-Баторе была издана книга монгольского географа доктора геогр. наук П. Цолмона о жизни и деятельности А. Д. Симукова¹.

Ниже мы предлагаем вниманию читателей фрагмент из новой, не опубликованной книги И. И. Ломакиной «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце — исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)». В работе использованы документы, найденные автором в архивах Санкт-Петербурга, а также материалы из архива семьи А. Д. Симукова.

Географ Учкома Монголии

Официально Симуков был зачислен сотрудником Учкома, или Научно-исследовательского комитета МНР, с 1 января 1927 г. Позднее он писал: «Моя работа в качестве сотрудника НИКа МНР разбивается по своему характеру на три связанные между собой отрасли: 1) работа учрежденческого характера, 2) экспедиционные исследования, 3) научная обработка собранных материалов»².

«Работа учрежденческого характера» при расшифровке означала в самом начале подготовку к офици-

альному открытию Государственного музея в новом помещении — дворце Богдо-гэгэна³. Когда он скончался 20 мая 1924 г., всё, что накопилось во дворце (подарки, покупки), было частично распродано на аукционе, частично разобрано новым начальством молодой Народной республики, мебель же, парадные одежды Богдо и эх-дагини⁴, утварь и т. д. оставлены как экспонаты будущего музея. Все молодые советские ученые, приезжавшие на стажировку и работавшие в разных регионах страны, привозили в музей свои находки. Между прочим, сюда ещё в 1922 г. была на пике привезена из Черной Гоби голова Джа-ламы⁵. Там, на костре, подкопченная и просоленная, она лежала в груде экспонатов, пока молодой сотрудник Института востоковедения В. А. Казакевич⁶, работавший в районе Дариганги⁷, уезжая осенью 1925 г. обратно в Ленинград, не взял ее в свой чемодан, чтобы поместить в Кунсткамеру. В «паспорте» этого экспоната в прославленном музее хранится разрешение таможни МНР на провоз личного багажа Казакевича без досмотра, что разрешалось только дипломатам. Может быть, перед отъездом он и убедил В. И. Лисовского⁸, ведавшего тогда этим «музеем»-складом, что такому ценному экспонату, как голова ламы-пандита, место в знаменитом музее, а может, просто взял и всё. В то время революционных перемен в стране столько всего происходило, что к голове Джа-ламы интерес подугас. Но на всякий случай Казакевич, сдав в Ленинграде новый экспонат, конспиративно назвал его «Голова монгола».

В. И. Лисовский же не только разрывался между делами в Учкоме, но и готовился к отъезду из Монголии. Он приехал сюда давно, как говорится, еще при царе: работал у графа Петра Витте⁹, бывшего российским советником правительства Автономной Монголии, с ним проводил первую перепись населения, обходя юрту за юртой с блокнотом в отведенном районе. По образованию он был инженером-мелиоратором. Но на его счету столько всяких новшеств в последующие годы, он брался за всё — рисовал и издавал первые деньги, потом первую карту, задумал атлас страны... Начало созданию музея положили археологические находки Монголо-Тибетской экспедиции Козлова¹⁰. Лисовский организовывал выставку ее экспонатов до отправки в Эрмитаж. Потом выставку пополнили яйца динозавров, привезенные из Гоби американским путешественником Р. Эндрюсом¹¹. Переговоры с ним от Учкома о том, чтобы он оставил часть добытой коллекции в Улан-Баторе, вёл Лисовский. Он заложил основы той части библиотеки Учкома, что потом составит богатый монголоведческий отдел уникальной Номын сан¹², организовал и возглавил картографический отдел Учкома. «Человек мягкого характера, он был деликатен и доброжелателен, — напишет Н. П. Шастина¹³ о Всеволоде Игнатьевиче. — Он охотно делился своими обширными познаниями со всеми, кто проявлял хоть какой-нибудь интерес к Монголии, успешно преподавал в советской школе химию». Готовя воспоминания в сборник «Книга братства», вышед-

ший на русском и монгольском языках к 50-летию Народной революции¹⁴, Шастина посчитала нужным «рассказать о человеке, отдавшем много лет делу научного строительства в МНР на раннем этапе развития монгольской науки»¹⁵.

В. И. Лисовский пробыл в Монголии больше десяти лет, вернулся в Россию в 1927 г. (преподавал в Новочеркасском сельскохозяйственном институте), передав все дела принятым на работу в Учком С. А. Кондратьеву¹⁶ и А. Д. Симукову. Кондратьев стал заведовать метеобюро и фототекой Учкома, а Симуков — музеем и картографическим кабинетом.

Они жили неподалеку друг от друга. Вот страничка из подготовленных к публикации К. Н. Яцковской воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой¹⁷: «Хлопает дверь и входит А. Д. (т. е. Андрей Дмитриевич. — *И. Л.*). Он в синей короткой куртке, меховой шапке с болтающимися ушами. Садится на кровать Фу-Чина (повара Кондратьевых), закуривает свою большую толстую ганзу¹⁸ и, перебирая крупные деревянные четки, болтает с С. (Сергеем Александровичем) об учкомовских делах, городских новостях, просит собраться у тех или иных знакомых в ближайшие дни. Скоро 9. Я меняю туфли на валенки, надеваю свою старую шубу, шапку, забираю ганзу, кисет, ключи от библиотеки, кучку отработанных дома карточек и через сени выхожу во двор». Мелитина Ивановна работала в библиотеке Учкома. Существует фотография ее вместе с мужем, сделанная на «экскурсии», которую привожу в книге. Она мне очень нравится, посмотрите, какой женственной и миловидной была М. И. И трудно ее представить в валенках и старой шубейке, какой она предстает в приведенной выше страничке дневника. Быт их в зимнем Улан-Баторе был приближен к полевым условиям, незатейлив и прост, к чему после разрухи в России русские горожане быстро адаптировались. Всегда вспоминаю, как уже старая Елизавета Владимировна Козлова¹⁹ рассказывала мне в 1971 г., что не нашла общего языка с Еленой Ивановной Рерих, увозившей в многодневную экспедицию ворох нарядов весной 1927 г. Это было для нее, путешественницы-орнитолога, явлением из другого мира. Экспедиции предполагали известный аскетизм в одежде.

Это понимала и Миля Симукова²⁰, приехавшая в Монголию жить весной 1927 г. и уже летом отправившаяся с мужем в экспедицию в качестве «коллектора по ботанике и фотографа», как напишет А. Д. Симуков в «Очерке работ Гобийской партии Ученого комитета МНР (июль—ноябрь 1927 г.)», опубликованном в первом номере журнала «Хозяйство Монголии» за 1928 г.

Рвущийся на простор сотрудник Учкома Симуков, занимаясь «учрежденческой работой», дождался наконец возможности отправиться обследовать «малоизвестную юго-западную окраину МНР». В скромную экспедицию вошли еще, кроме супругов Симуковых, помощник А. Д. по музею Жаргал (у Симукова — Джергал) и рабочий-повар Жамба. Доверху нагруженный коробками и узлами, стянутыми вьюч-

ными веревками, чтоб не рассыпались, автомобиль взял курс из Улан-Батора на Ламын-гэгэн²¹ 12 июля. Вернется экспедиция 3 декабря. Было уже холодно, особенно последние дни. И как написал А. Д. в очерке: «На восемнадцатый день пути наш караван достиг Улан-Батора, и мы, усталые, грязные и оборванные, в последний раз положили наших верблюдов во дворе Ученого комитета...» За прошедшие почти пять месяцев полевых работ экспедиция обследовала большой район Юго-Западной Гоби, как отметил Симуков, «частью в местах, еще не посещенных исследователями, собраны для музея МНР зоологическая и ботаническая коллекции. В первой из них имеется ряд весьма интересных и редких экземпляров. Сделано много фотоснимков. Освещен ряд специальных вопросов, как, например, вопрос о земледелии в Гоби и др.»²². Итак, добравшись до монастыря Ламын-гэгэн и оставив там машину и весь скарб, А. Д. с Жаргалом налегке отправились в низовья реки Байдарик «обследовать тамошнее земледелие». Собственно пашни находились на окраине Озерной Котловины, протянувшейся между хребтами Монгольского Алтая и Хангаем. В этой галечной пустыне и засеивались мелкими клочками участки, занимавшие несколько верст на речных наносах реки, причем толщина почвенного суглинистого слоя была не меньше 30 см, а вся пашня занимала несколько десятин. С давних времен местные монголы сеяли здесь ячмень и безостую пшеницу. Прошедший хорошую школу крестьянских работ в белорусской Сигеевке, Андрей со знанием дела напишет в очерке, что гобийцы «семена высевают поздно — около 15 числа последнего весеннего месяца, разбрасывая прямо по земле и потом запахивая их примитивной сохой китайского типа. Семенной материал не очищают и не сортируют, поэтому засоренность посевов весьма сильная. После посева несколько раз производится поливка. На этом и кончается уход за пашней. Уборка производится в августе. Растения либо выдираются с корнем руками, либо срезаются крайне примитивным тупым серпом. Молотят топтанием, прогоняя по сжатому и сложенному на естественном току хлебу скот. Отобрав солому специальными вилами, зерно провеивают на ветру с помощью деревянной лопаты с длинной ручкой. Мелют ручными жерновами, обжаривая предварительно зерно и получая таким образом так называемую „дзамбу“. Простую муку мелют редко и понемногу. Степень урожайности мне показать не могли или не хотели. Несомненно, что урожай мог бы быть вполне приличным, даже при таком примитивном способе обработки, если бы не засоренность и вредители. По ночам на пашни приходят хулавы²³ и харасульты²⁴; кроме них на посевах нападает целая армия грызунов и крупных и мелких зерноядных птиц (журавли, дикие утки, куропатки и мелочь). Кроме всего этого, большой вред приносят и насекомые.

Хлебопродукты потребляются на месте и расходятся среди ближайшего населения»²⁵. Половина пашни ежегодно пустует, вторая половина понемно-

гу уменьшается из-за паводков... Расспрашивая гобийцев, Андрей записывал их ответы, составлял таблицы. Он собирался всерьез заняться гобийским земледелием.

По возвращении Симукова и Жаргала с Байдарика экспедиция в полном составе выступила 3 августа из Ламын-гэгэна на юг, в Гобийский Алтай. Перевалив массив Ихэ-Богдо, путешественники спустились по его южному склону и, преодолев пустыню, добрались до пашен в местности Лег. «Все эти гобийские очаги земледелия местное предание приписывает некоему Цаган-бар-гуну, жившему давно, еще до Чингиса, — пишет в очерке Симуков. — В те времена воды в Леге было значительно больше, так что Цаган-бар-гун мог обработать значительную площадь. В настоящее время площадь пашен невелика»²⁶. Причем четыре пятых их каждый год пустуют, а те, что засеваются, сокращаются из-за паводков, нехватки воды, засоления. Тягой при обработке служит верблюд, период вегетации — 120 суток. Вся эта пахота и вода на Легин-голе принадлежит Ламын-гэгэн-хиту, точнее — половина гэгэну, вторая — чжасе (монастырскому хозяйству. — *И. Л.*) Дуйнхордацана, обрабатывают их местные жители за харч: два барана и немного зерна на 10—15 человек. Ламы приезжают в конце лета за урожаем. В 1927 г. — зафиксировал Симуков — было собрано около 700 пудов зерна.

И снова, оставив груз и двух спутников на Легин-голе, Симуков с Жаргалом на сменных лошадях отправились на запад к Юм-бейсе. В 1927 г. стояла засуха, пустыня была безлюдна. Вернувшись за спутниками к Легин-голу, путешественники двинулись к хребту Нэмэгэту, причем, проделав переход в сто верст, не встретили ни одного человека. Симуков делал вывод: «засуха выгнала всех к высоким горам». Хребет, выделяющийся среди окружающих высотой, был крут и скалист. Взбираясь на вершину, они отметили наличие арцы — можжевельника, из животных — привычных гоби-алтайских горного козла, аргали и барса. Видимость с вершин Нэмэгэту была вокруг до двухсот верст! Путешественники, перевалив хребет, вышли в долину к южногобийским горам Тосту, Ноин-Богдо. То есть тем горам, где потом я побывала в 1968 г. и могу через сорок лет сравнивать увиденное с 1927 годом.

С приключениями добрались мы в 1968 г. из Ноин-богдо до Сэврэя, хотя расстояние было невелико. Мы то ползли, буксуя в песках, на газике Монцамэ, потом скатываясь с ребристого, как стиральная доска, склона на «пятой точке» к показавшемуся с опасного объезда газик. У журналистов, с которыми я пристроилась поехать в Южногобийский аймак, не было ни времени, ни навыка лазать по скалам, хотя они были ровесниками Симукова. А тот, пока они в 1927 г. восемь дней ждали от хошунного²⁷ управления верблюдов для дальнейшего следования, занимался любимым делом. В очерке он пишет: «Я охотился и добыл для нашей зоологической коллекции несколько хороших экземпляров горного козла. Охота

за этим красивым зверем настолько же увлекательна, сколько и трудна. Держится янгер (монгольское название этого козла) исключительно по самым труднодоступным скалам. Коричнево-серая окраска его шерсти делает подчас целое стадо козлов совершенно незаметным среди темных от пустынного загара скал. Янгер чуток и осторожен, а лазание по скалам и осыпям требует большого физического напряжения и иногда небезопасно»²⁸. Направив троих своих спутников с грузом экспедиции в соседние горы Ноин-Богдо, А. Д. налегке с нанятыми двумя местными жителями на пяти верблюдах двинулся в длинный разъезд на юго-запад, как написал Симуков, «в самые дикие местности Центральной Гоби». Он решил пересечь наискосок Тосту и выйти на окраину Центральногобийской впадины. Как архар — от вершины к вершине...

«С южного склона гор Тосту, — пишет в очерке А. Д., — я увидел синеющий далеко на юго-западе зубчатый силуэт гор Цаган-Богдо, по прямому направлению к которым мы двинулись. В этой части пустыни не был еще ни один исследователь, — с мальчишеской гордостью отмечает он. — Пустынная растительность, очень хорошая в этом году в районе гор Тосту и Нэмэгэту, верстах в 40 от Тосту как-то сразу исчезла. Мы шли по совершенно голому галечнику. Лишь кое-где торчали полузасохшие пустынные кустарники. Жизни — никакой. По дороге мы пересекли гряды мрачных, черных холмов и обожженных солнцем скал. Воды не встречали на пространстве 70 верст. Ближе к горам Цаган-Богдо мы впервые увидели старые следы одиноких диких верблюдов. У ключа Бильгэхи встретили первых на этом пути хуланов. Придя к северному подножью Цаган-Богдо, мы стали на ключе Сучжи»²⁹.

Они стояли там целых три дня, и А. Д. неторопливо мог наблюдать «почти первобытную жизнь фауны этих мест», небогатую в засушливое лето. «К ключу среди бела дня подходили табунки хуланов, аргали, со скал пришло стадо козлов. Охотились мы почти не выходя из палатки», — пишет А. Д., что можно считать высшим пилотажем эмоциональности его отшельнической натуры. «К удивлению, — пишет он дальше, — я нашел около ключа следы небольших плантаций. Проводник рассказал мне, что в начале этого столетия в Цаган-Богдо пришло несколько партий китайцев, осевших по некоторым ключам и занимавшихся главным образом разведением мака для получения опия. Следы этих плантаций имеются на ключах (кроме Сучжи) Эхин-гол, Шара-хулусун, Цаган-булык и Тоорай-шанда. Последние три мною посещены. Выгнал китайцев из этих глухих уголков Джа-лама»³⁰. Вот такой привет от моего героя — «святого пандита», всю жизнь воевавшего с китайцами и отыскавшего их даже в заброшенной пустыне.

Идя по местности, уже незнакомой проводникам, А. Д. решил воспользоваться старой схемой съемки Ладыгина³¹ из Камской экспедиции Козлова 1899—1901 гг.³² Но только проплывав верст сто, путешест-

венники всё же добрались до ключа Цаган-Бургусун. Урочище его, а также Шара-хулусуна, бывшего в 15 верстах от него на юго-запад, оказались «удивительно отрадными уголками среди окрестной пустыни», Симук описывает их так: «Порядочные ключи, рощи тополей, заросли камыша и тамариска резко контрастируют с унылыми окрестностями. В Шара-хулусуне камышевые джунгли подчас почти непроходимы для человека и достигают вышины в 3 метра. Попадаются тополя свыше двух обхватов в толщину. И всё-таки места эти совершенно безлюдны, хотя лет 20 тому назад там и кочевали халхасы. Зверства Джа-ламы и несколько лет засухи отпугнули кочевников от этих привольных мест. Через Шара-хулусун проходит дорога из Юм-бейсе в Ан-си и далее через Цайдам — в Тибет. Кроме того, последнее время здесь стали ходить караваны из Гучена и Баркуля на Хуху-хото»³³.

Повернув назад в сторону Ноин-Богдо, где была оставлена жена с другими спутниками и грузом, А. Д. с проводниками перевалили хребет Цаган-Богдо и у южного его подножия остановились в урочище Цаган-булак. К югу лежала совершенно неизвестная местность, по которой Симук устремился, как сомнамбула, вперед, от воды к воде... Жажда увидеть «уголок неизвестных пространств», за ним еще один, еще — гнала зачарованного путешественника вперед и вперед. «И в этой дикой пустыне, — пишет А. Д., — я увидел урочище, весьма богатое тополями и тамариском, не говоря уже о саксауле. В роще тополей я нашел старый пенёк в 4 обхвата, высохший до полной белизны, и невольно задал себе вопрос: „Чьим современником был этот гигант в молодости?“»³⁴

Возвращаясь к горам Тосту, не встретив за 110 верст воды, А. Д. с проводниками «первый и последний раз встретили диких верблюдов и добыли для коллекции прекрасный экземпляр старого самца-бура». Вот оно, охотничье счастье, награда за редкую любознательность! Лишь немногие путешественники-европейцы могут похвастаться, что видели и тем более застрелили хавтгая, как по-монгольски называется это животное. «Это настоящий пустынный житель, способный оставаться без воды весьма долгое время, — пишет Симук. — Определенного узкого района обитания дикий верблюд не признает и бродит, где ему вздумается, проходя часто почти без остановок громадные пространства. Чрезвычайно чуток и осторожен. Раз вспугнутый, он несется с быстротой ветра и пробегает без остановки весьма большие расстояния. Поэтому охота на диких верблюдов весьма трудна... Внешним видом дикий верблюд почти не отличается от домашнего. Осенью чрезвычайно жирен. Мясо и сало отличаются весьма приятным вкусом и нежностью»³⁵. Пройдя со столь редкой и ценной добычей, украсившей позже Государственный музей Монголии, ночь по бесплодной пустыне, путники вышли наконец к склону Тосту и дошли до места, где был лагерь оставленных членов экспедиции в горах Ноин-Богдо.

Но на этом приключения зачарованного путешественника Андрея Симукова в той экспедиции 1927 г. не закончились. Услышав от местных жителей, что на Эцзин-голе появилась какая-то европейская экспедиция, и решив, что, побывав в том, известном уже ему по работе в экспедиции Козлова оазисе, он не только познакомится с путешественниками, но и заодно доберет экспонаты, А. Д. вместе с женой и проводником «совсем налегке» выехали в сторону Эцзин-гола. За три дня они преодолели почти 150 верст по безводному и бесплодному галечнику, встретив лишь единственный колодец Балбырха на самой границе МНР. Эцзин-гол был уже на территории Внутренней Монголии.

Над раскинувшимся в роще тополей палаточным лагерем на флагштоке развевался шведский флаг. Это была Китайско-Шведская экспедиция по исследованию Центральной Гоби под руководством известного путешественника-шведа доктора Свена Гедина³⁶. Она вышла из Пекина весной того года, через Алашань прошла на Эцзин-гол и отсюда собиралась идти на Хами. В экспедиции насчитывалось около 80 человек, более 20 из которых были научные сотрудники (шведы, немцы, китайцы). Груз экспедиции шел на 300 верблюдах.

7 ноября А. Д. с женой прибыли по приглашению Свена Гедина на прощальный завтрак (на другой день экспедиция снималась и трогалась дальше). Как описал Симук: «Около полудня мы вдвоем с женой верхом на верблюдах подъехали к лагерю Геденовской экспедиции. Костюм наш оставлял желать много лучшего, так как обносились мы изрядно. Еще переезжая широкое русло Ихэ-гола, в котором местами текла оставшаяся после половодья вода, мы заметили в лагере оживление. На берегу собралась группа сотрудников и стоял киносъемочный аппарат. Наш приезд был заснят на кинофильм. В лагере д-р Гедин показал нам прекрасно оборудованную метеорологическую станцию, которая проработает на Эцзин-голе не менее года. Сотрудникам его я дал ряд сведений по географии Западной Гоби, ее фауне и флоре. Лишь около заката солнца мы, сердечно распрощавшись с гостеприимным хозяином и его сотрудниками, уехали домой»³⁷.

В своих дневниках Свен Гедин вспомнит этих молодых русских, бесстрашно разъезжавших налегке по далекой Гоби.

А они еще на другой день съездили на развалины Хара-хото³⁸, до которых было всего 16 верст.

Дорога шла по пустыне с барханами, обросшими тамариском, кругом попадались черепки, остатки построек и субурганов... «Когда-то, лет пятьсот тому назад, жизнь была здесь ключом, — пишет А. Д. — Возвращались мы лунной ночью. Такая ночь в пустыне похожа на странную сказку. Бледные тени мертво-корявых кустов саксаула, обрывы, похожие на развалины, развалины, похожие на обрывы, темные шапки барханов, стройные силуэты древних субурганов, бесшумная поступь наших верблюдов и тишина (...) На Эцзин-голе было еще тепло...»³⁹

Когда А. Д. опубликовал этот очерк, он и думать не думал, что эта встреча со Свенем Гедином может послужить советским особистам поводом для обвинения его в шпионаже и что жить ему оставалось чуть больше десятка лет. Он был молод и силен, полон планов! И эта экспедиция 1927 г. вселяла только оптимизм.

В экспедициях А. Д. вел подробные дневниковые записи. За 1928—1932 гг. сохранились его путевые дневники, за 1927 г. — нет. Пространные цитаты из него будут опубликованы в книге М. В. Колесниковой и М. С. Колесникова «Экспедиция идет к цели» (М.: Детская литература, 1977). В послесловии авторы сообщают, что известный географ, прекрасный знаток Монголии, Андрей Дмитриевич Симуков писал матери в Москву из Улан-Батора: «Моя экспедиция этого года — первое мое самостоятельное дело — удалась». И далее о дневнике этой экспедиции: «Нам в руки попали не сами дневники, а отдельные страницы дневников, возможно даже — черновые записи». И приводится легенда, как они попали в руки авторов повести.

Весной 2006 г. я позвонила в Москву Михаилу Сергеевичу Колесникову, которого знала как автора книги «Сухэ-Батор» (1952) в серии ЖЗЛ, и попросила рассказать, как было дело.

«Я приехал в Монголию, когда начинался Халхингол, — сказал М. С. — Я ведь военный человек, полковник. А приехал тогда капитаном, начальником разведпункта в Баин-Тумэн, готовить шпионов, попросту говоря. Жена моя устроилась работать геологом в Учком, ездила в экспедиции. Она принесла из Учкома дневник Симукова, и мы говорили, что хорошо бы его опубликовать. Мы уехали из МНР в 1945-м, после войны с японцами. Много позже вернулись к этой теме, порядочно взяли из того дневника. Собственно, это не было моей темой, я написал много других книг, а вот жена вернула меня к теме...»

В 1950—60-е гг., демобилизовав целую когорту разведчиков, коммунистическое руководство предложило им заняться писательским трудом. Так появились бесчисленные «Рассказы о Ленине» Зои Воскресенской, издаваемые огромными тиражами. Генерал В. И. Ильин стал секретарем Союза писателей СССР. Бывших разведчиков определили к «хлебному делу», давая денежно выгодные заказы. Колесников писал биографии для ЖЗЛ, но не забыл Монголию. В 1954 г. он издал в Хабаровске повесть «Счастливым оазис», прототипом героя которой был всё тот же Симуков («По улице Улан-Батора неторопливо шагает высокий широкоплечий человек в длинном черном пальто и фетровой шляпе, порывавшей от солнца и ветров (...) Пытливые серые глаза его, чуть суженные, как у всех людей, привыкших к широким горизонтам (...) Отсюда из Улан-Батора снаряжал он экспедиции в далекую Гоби, в горы Монгольского Алтая или в тайгу Хэнтя (...) Здесь он провел в странствиях свою молодость, здесь впервые познакомился с замечательным путешественником Петром Кузьмичем Козловым», — так начинается повесть. И хоть зовут героя иначе, ясно, о ком речь. Джиргалант-баян-бурд — это счастливый оазис. И

герой признается: «Да, вся Монголия — это счастливый оазис среди стран Азии. Но будет день, и поднимется на ноги многовековой Китай, другие страны»⁴⁰. Возможно, Колесников и не видел А. Д., взятого в сентябре 1939 г., сочинил про «пытливые серые глаза» по описанию тех, кто его знал.

И по фотографиям, которые сегодня знаем и все мы.

Вот он на верблюде, обвешанном нехитрым скарбом. Снимок 1935 г., ставший хрестоматийным, не единственный, но точнее всего передающий образ этого исследователя Монголии, ставший символом путешествующих по азиатским просторам романтиков. И не просто путешествующих, а навсегда полюбовавшихся эти просторы.

Судьба наследия А. Д. Симукова

По просьбе Учкома в сентябре 1940 г. в Улан-Батор приехал работать от Академии наук СССР географ Э. М. Мурзаев, который честно написал: «Я плохо представлял свою будущую работу там, но надеялся, что на месте разберусь в своих обязанностях. Привлекала сама страна, ее слабая изученность, большие возможности, открывающиеся перед исследователем»⁴¹. Он начал со знакомства «с монгольскими учеными и их планами». Прочел более 200 рукописей, систематизировал, составил каталог. Помощниками-переводчиками у него были Ш. Цэгмид и Ц. Пунцагноров, тогда только закончившие в Улан-Баторе советскую школу, впоследствии известные монгольские ученые.

За четыре года работы в Монголии Мурзаев проделал по стране 26 000 км. В книге «Географические исследования МНР» в 1948 г. он дал общий исторический обзор всех сколько-нибудь существенных для науки путешествий и работ с XIII в. вплоть до нашего времени, правда, не упомянув работ Симукова. В 1948 г. состоялась защита докторской диссертации Э. М. Мурзаева «Основные вопросы физической географии МНР», в горнило которой, как и в книги, опубликованные Мурзаевым в 40-х гг.⁴², ушло всё, найденное-наезженное Андреем Симуковым.

Мурзаев оказался энтузиастом своего дела, необычайно плодовитым автором-популяризатором, все наработки пустившим в дело. «Труд географа в экспедициях — большая школа, в которой не перестаешь учиться у жизни, у природы»⁴³. Это уже обращение к молодежи маститого ученого, доктора наук, удостоенного Золотой медали им. Пржевальского (1947), лауреата Сталинской премии (1951). Так что можно сказать, что работа А. Д. Симукова не пропала, нашелся географ, оценивший труды Симукова по исследованию Монголии.

Другое дело, что больше такого верного рыцаря неизведанных вершин, преданного стране как Шар Дамдинсурэн, Монголии не видать. Монголы это понимают, и именно он — Географ Андрей Симуков — останется ее героем. Навсегда.

Подготовка к печати, введение и комментарий
Н. А. Симуковой

Примечания

1. Цолмон П. Газар зүйч А. Д. Симуковын амьдрал, бүтээлийн тухай. Улаанбаатар, 2002.
2. Симуков А. Д. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и её результатах // *Mongolica*-III. СПб., 1994. С. 63
3. Богдо-гэгэн Джебцзундамба хутухта (1870—1924) — духовный глава буддистов Монголии; восьмой носитель титула; с 1911 г. по 1924 г. — глава государства (с 1921 г. — номинально)
4. Эх-дагиня — имеется в виду первая жена Джебцзундамба хутухты — Дондогдулма (ум. 1923).
5. Джа-лама (Чжа-лама, Лувсан Дамби Чжаншан) — (18 ?—1923) — волжский калмык, объявил себя потомком легендарного Амурсаны, выступал за независимость Западной Монголии, участвовал в освобождении г. Кобдо (1912); сотрудничал с бароном Унгерном, отличался крайней жестокостью; убит сотрудниками ГВО МНР.
6. Казакевич Владимир Александрович (1896—1937) — монголовед-историк, преподаватель ЛИЖВЯ и ЛВИ (1924—1934), сотрудник Учкома и Полпредства СССР в МНР (1923—1925), участник экспедиции Монгольской комиссии (1927), сотрудник ИВ АН СССР, арестован и расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1989 г.
7. Дариганга — область в юго-западной части Восточного аймака (1931), населенная монгольским племенем того же названия.
8. Лисовский Всеволод Игнатьевич — инженер-мелиоратор, сотрудник Управления русского советника при правительстве Монголии (1914—1917), участник экспедиции по статистико-экономическому обследованию Монголии (1915—1916), сотрудник Ученого комитета МНР (1921—1926), преподаватель Новочеркасского сельскохозяйственного института.
9. Витте Петр Александрович — помощник российского советника, затем — советник при правительстве Монголии; провел статистико-экономическое обследование страны (1915—1916) и первую перепись населения и скота (1918).
10. Козлов Петр Кузьмич (1863—1935) — путешественник, исследователь Центральной Азии, участник 4-й Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского (1883—1885), Тибетской экспедиции М. Н. Певцова (1889—1890), Тибетской экспедиции В. И. Роборовского (1893—1890); возглавлял Монголо-Камскую (1899—1901), Монголо-Сычуаньскую (1907—1909) и Монголо-Тибетскую (1923—1926) экспедиции. В 1915 г. руководил правительственной экспедицией в Монголию, закупавшей мясо для нужд действующей армии. Генерал-майор (1916), академик АН УССР (1928).
11. Эндриус Р. Ч. (Andrews, Roy Charman) (1884—1960) — натуралист, зоолог, палеонтолог; сотрудник (с 1906) и директор (1935—1942) Американского музея естественной истории; руководитель палеонтологических экспедиций в Монголию и Китай (1917—1930).
12. Номынсан (монг. *номын сан*) — библиотека; имеется в виду библиотека АН Монголии.
13. Шастина Нина Павловна (1898—1980) — монголовед, филолог, историк, сотрудник Ученого комитета МНР (1928—1936), библиотеки АН СССР (1937—1942), ИВ АН СССР (1946—1980).
14. 50-летие Народной революции — отмечалось 11 июля 1971 г. (6 июля 1921 г. части советских и монгольских народных войск, отбросив Унгерна, вступили в Ургу, 10 июля было сформировано новое правительство).
15. Шастина Н. П. Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. М.; Улан-Батор, 1971. С. 202—203.
16. Кондратьев Сергей Александрович (1896—1970) — композитор, музыковед; участник Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1925); возглавлял археологические раскопки курганов Ноин-улы, изучал музыкальный фольклор монголов; сотрудник Ученого комитета МНР; исследовал Хэнтэй и Западный Хангай (1926—1930); автор монографии «Музыка монгольского эпоса и песен» (1970).
17. Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой / Публикация, введение, примечания К. Н. Яцковской // *Mongolica*-VII. СПб., 2007. С. 92—93.
18. Ганза (монг. *ганс*) — монгольская курительная трубка.
19. Козлова (Пушкарева) Елизавета Владимировна (1892—1975) — орнитолог, доктор биол. наук, участник Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1926), экспедиций Монгольской комиссии 1929 и 1931 гг., сотрудник ЗИН АН СССР; вторая жена П. К. Козлова (с 1912).
20. Миля Симуква — Мелания Алексеевна Симуква (1904—1993) — жена и соратник А. Д. Симукова, участник экспедиций 1927, 1931 и 1932 гг.; сотрудник Министерства финансов СССР (1936—1959).
21. Ламын-гэгэн — крупнейший монастырь Убур-Хангайского аймака (по административному делению 1931 г.), расположен в 20 км от низовьев р. Шаргульчжут на высоте 2300 м.
22. А. Симуков. Очерк работ Гобийской партии Ученого комитета МНР (июль—ноябрь 1927 г.) // *Хозяйство Монголии*. 1928. № 1 (8). С. 99.
23. Хулан (монг. хулан) — кулан, дикий осел (*Eguus hemionus*).
24. Хара султ (монг. *хар султ*) — джейран, антилопа (*Gazelle subgutturosa*).
25. А. Симуков. Очерк работ... С. 87.
26. Там же. С. 90.
27. Хошун (монг. *хошуу*) — административно-территориальная единица Монголии до 1931 г.
28. А. Симуков. Очерк работ... С. 92.
29. Там же. С. 94.
30. Там же. С. 94.
31. Ладыгин Вениамин Федорович (1860—1923) — участник Тибетской экспедиции Роборовского (1893—1895) и Монголо-Камской экспедиции Козлова (1899—1901), автор работы «Поездка в верховье Урунгу и пересечение Гоби».
32. Монголо-Камская экспедиция П. К. Козлова (1899—1901) — исследовала Центральную Гоби, Алашань, Юго-Восточный Тибет.
33. А. Симуков. Очерк работ... С. 95.
34. Там же. С. 95.
35. Там же. С. 96.
36. Свен Гедин (Hedin von, Svel Anders) (1865—1952) — шведский путешественник, исследователь Передней и Центральной Азии (Персия, Ирак, Кавказ, Средняя Азия, Памир, Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Китай); автор книг *Auf Grosse Fahrt* (1929), *Ratsel der Gob* (1932) и др.
37. А. Симуков. Очерк работ... С. 98.
38. Хара-хото (XI—XIV вв.) — был крупным торговым центром (в низовьях р. Эцзин-гол) тангутского государства Си-ся (982—1226); завоеван монголами (1226), разрушен китайскими войсками (1372). Развалины Хара-хото впервые обнаружены и сфотографированы в 1907 г. Ц. Г. Балмажаповым. Археологические раскопки Хара-хото Монголо-Сычуаньской экспедицией П. К. Козлова в 1908 и 1909 гг. дали богатейший материал по древней

- тангутской письменности, истории и культуре Си-ся и сопредельных государств. Раскопки были продолжены Монголо-Тибетской экспедицией в 1925—1926 гг.
39. А. Симуков. Очерк работ... С. 98.
40. Колесников М. С. Счастливый оазис. Хабаровск, 1954. С. 223.
41. Мурзаев Э. М. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979. С. 68.
42. Мурзаев Э. М. География Монгольской Народной Республики. Улан-Батор: Госиздат, 1943. На монг. яз.: Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика: страна, люди, хозяйство. Л.: Изд. АН СССР, 1947; Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика: физико-географическое описание. М.: Географгиз, 1948.
43. Мурзаев Э. М. Годы исканий в Азии. М., 1973. С. 7.